

Свеча вспыхнула и тускло осветила палатку.

В ночи многого нельзя увидеть. В местах, недоступных взгляду, были нищие, умирающие во время попрошайничества, и нищие, живущие этим. Когда умирает один нищий, находятся другие, просящие подаяние за то, чтобы вывезти его труп. В мире любое место, которое нельзя увидеть – это угол, каждый удалённый угол – это проход, и каждый проход – это стена. Из мира можно выбраться, взобравшись по этой стене, но я не виню их за то, что они висят на краю обрыва и так и живут, сотрясаясь.

Таков их род занятий, и такова физиология происходящего.

Я не виню их, а использую. Нищие, проститутки и наёмники – все они занимаются работой, ставящей их жизнь под риск. Записка, освещённая мерцающим светом свечи, тоже была частью моей работы.

– Снаружи так шумно. Жестокое убийство. Солдаты идут в бордель. Страшно. Снаружи много огня.

Похоже, эта записка писалась в спешке. Почерк, которым написал её шпион, был неряшлив и крив. Я прочитала следующую записку.

– Солдаты внезапно замолкли. Теперь тихо.

– Внезапная проверка. Забрали всех девушек, скрывающих книги. Я выжила, потому что мой любовник предупредил меня об этом. Я пишу об этом, потому что на оставшуюся половину месяца у меня не хватает денег, пожалуйста, пришлите ещё. Сможете?

– Они забрали моих сестёр. Их до сих пор нет. Мне страшно. Я так больше не могу. Пожалуйста, после следующей платы не связывайтесь со мной. Простите. Я никому не расскажу.

Все эти письма были отправлены проститутками.

Расположить шпиона в военном лагере или по соседству с военным лагерем – хоть у обоих из методов есть свои преимущества и недостатки, я склоняюсь к последнему. Те, кто живут, держась за верёвку и свисая на краю утёса, будут первыми, кто узнают, когда верёвка начнёт дрожать.

Все, что они могут уловить – это знаки и смутные предзнаменования. Принятие их сигналов и интерпретация их сообщений – мой долг как главной прислужницы Его Высочества.

Всё в порядке. Я скромный простолюдин.

Простолюдины лучше всех знают о способах существования других простолюдинов.

- Повысьте плату, начиная со следующей половины месяца. Иначе я вас выдам.

Если ты выдашь меня, не с моей жизнью будет покончено, а с твоей. Об этом она знала лучше меня, так что мне не о чем беспокоиться. Дальше.

- Это вы распространили те буклеты? Я тоже хочу на эту сторону. Генерал Фарнезе ведь человек, да? Я тоже человек. Все ведь нормально, если человек пойдёт к другому человеку, да?

Время от времени эти проститутки путают, занимаются ли они шпионажем или флиртуют. Если задобрить их мягкими словами, позже они обеспечат тебя полезной информацией. Этой проститутке больше нет необходимости следовать за Крестоносцами.

Я косвенно ответила ей, что, хоть она и человек, она не сможет пробиться к другому человеку.

- С недавних пор полная суматоха. Я не знаю, в чем причина, но очень шумно. Даже солдат, трахавший меня, остановился в процессе, когда его позвал его начальник. Остановился прямо в процессе. Это странно. Очень странно.

- Он исправно заплатил мне. Хороший парень.

Ясно. Это и правда странно. Хоть и бывает, что солдаты останавливаются в процессе убивания других, они никогда не останавливаются, пока не получают удовольствие от шлюх.

И если такой и правда случилось, скорее всего, они были под давлением. Эта проститутка находилась не возле армии крестоносцев, а возле удалённых войск Нейтральной Фракции. Она не только обладала необычным характером, но и присылала обычно две записки.

Скорость и Принцессы Империи, и Империи Габсбург, и Нейтральной Фракции была ненормальной. Все они были достаточным поводом для беспокойства, и следить за ними нужно пристально.

Сейчас нам не хватает времени, чтобы успокоить Нейтральную Фракцию. Прежде чем мы успеем их убедить, Принцесса Империи ускорит свои войска и атакует нас. Если же мы не уговорим Нейтральную Фракцию, безопасное отступление в демонический континент окажется невозможным.

Это битва скоростей. Сможем ли мы избежать Нейтральную Фракцию и совершить отступление, или Принцесса Империи успеет догнать нас с армией людей?.. День. Возможно, два. Это скромное время определит судьбу двух армий.

Дальше.

- Хоть писать мне нечего, мне хочется написать. Если будет что-то, что написать, я напишу. Ах, если такова жизнь, то она пуста.

Эта паразитка просто написала поэму и отправила её.

У неё определённо что-то не так с головой.

Я ответила ей: "Мне жаль, но у тебя нет таланта к поэзии".

Дальше.

- Мою старую подругу поймали и убили. Всё из-за вас. Это всё из-за вас.

- Нет. Я сделала то, что вы мне сказали. Всё из этого.

- Пожалуйста, вы можете спасти моих заключённых подруг? Солдаты сказали, что мы будем наживкой. Большого мне не нужно.

Дальше.

Дальше.

Дальше.

Вороны один за другим взлетали и покидали это место. У каждого к лапке была привязана записка.

Самое позднее, сегодня ночью проститутки получают свои письма и прочтут мой ответ в свете свечи. То, что письмо, написанное при свете свечи, будет прочтено также при свете свечи, кажется мне прекрасным.

- Что ты там постоянно строчишь? - глубокомысленным голосом спросил Ивар Лодбрук. - Думаешь, лишь потому что ты отправила этих птиц, они вернутся к тебе с ответом?

- Я просто хочу почувствовать мир.

- Как глупо. Мир нельзя "просто почувствовать", даже если тебе очень хочется. Лазурит. Ты наполовину отпрыск шлюхи, наполовину человеческое дитя. Даже если такой простушке, как ты, удастся почувствовать мир, всё это будет впустую, когда расположение Владыки Демона к тебе угаснет. Ты веришь в того Владыку Демонов? Или, может, в людей? Сможешь ли ты таким же образом, как чувствуешь мир, почувствовать людские сердца?

- Ваши волнения глубоки, глава. Раскрывать свои глубокие переживания чревато тем, что можно раскрыть то, что спрятано глубоко в вашем разуме. Неужели вы так мне доверяете, что хотите излить душу? К сожалению, мне совершенно неинтересны сердца других людей, в том числе и ваше, глава.

- ...

– У меня нет ни причин, ни любопытства для того, чтобы копаться в людях. мне достаточно знать их поверхностно. Вы ведь спрашивали о происхождении Его Высочества? Глупый вопрос. У меня с ним одинаковое происхождение, так что вам не о чем волноваться.

Тишина.

Интересно, насколько он сосредоточен.

Примерно в то время, когда свеча уже почти растаяла, собравшись нелепой лужицей, снаружи послышались шаги.

Топ.

Раз охрана не остановила проходящего, это, по-видимому, был нищий. Нищие, просящие милостыню в полдень – самые счастливые, те, что просят подаяния вечером – вторые после них, а те нищие, кому приходится побираться ночью в поисках освещённого места, – самые несчастные. Обычно это низшие из нищих – калеки.

Как обычно, я взяла монету и бросила её наружу. Уверенная в том, что попрошайка заберёт её и уйдёт, я собиралась повернуться, когда услышала голос.

– Надо же. Я наконец вышел в свет после недели заточения, а мне дают мелочь и просят убраться? У моей возлюбленной воистину холодное сердце, – это был голос Его Высочества Данталиона.

Я проверила время по карманным часам. Было полночь. Я слышала, что его должны были выпустить вчера вечером, но что он делал и где был после? Ведьмы и Фарнезе, отправленные, чтобы привести его, уже вернулись и мирно спали в углу палатки

– Неужели Его Высочество наконец удостоил нас чести видеть его? Нечасто доводится увидеть его уважаемое лицо. Даже мне, прожившему четыре поколения и ставшему свидетелем восьмого Альянса Полумесяца, приходится испытывать подобный горький опыт... – глава Ивар Лодбрук медленно поднялся. Он пробурчал это низким голосом так, что его нельзя было услышать вне палатки.

Я проигнорировала его и поправила одежду.

– С возвращением, Ваше Высочество. Шеф Лодбрук из торгового дома Киункуска принял ваше приглашение и ожидает вас внутри.

Владыка Данталиан вошёл в палатку.

– Ох, глава. Простите, что вызвал вас так поздно ночью.

Как только Владыка Данталиан вошёл в палатку, он поприветствовал главу.

– Правда, я подумал, что для вас это не будет иметь значения, поскольку вы вампир, потому и отправил срочного гонца. Меня тревожит, что я мог испортить ваше настроение.

– Куда там. Великий призвал меня, так какая разница, произошло это посреди дня или ночи?

– Да. Вы правы. Совещанием можно назвать только встречу с тем, с кем тебе нужно

встретиться. Ну? Как поживаете?

Его Высочество любезно поприветствовал главу улыбкой, которую он однажды назвал при мне очаровательной, однако, по-моему, эта улыбка выглядит невероятно жутко.

Интересно, считал ли он, что атмосфера была неплохой? Лицо главы Лодбрука также показало расслабленность.

- Да. Это мне следует спрашивать, всё ли в порядке со здоровьем Вашего Высочества. Я могу лишь просить прощения за то, что не выражаю уважение так часто, как стоило бы.

- Всё в порядке. В самом деле, вы ведь финансист Альянса Полумесяца, глава. Да, я только вернулся с срочного обсуждения с Её Превосходительством Барбатос и Её Высочеством Пеймон. Я хочу обсудить эту тему и с вами, глава.

- Непременно. Если я могу хоть чем-то помочь Великим, для меня будет честь сделать всё возможное.

- Для начала присядьте. Мы обязательно побеседуем, но сидя.

Ночь.

Через стены палатки я могу слышать стрёкот сверчков. Похоже, что они используют все возможности своих телец, словно им абсолютно необходимо дать всем знать, что сейчас ночь. И поскольку я думаю, что жуки – это те же жизни, свисающие с края утёса и дрожащие, я не нахожу это странным.

Хоть ночь – это время, в которое некоторые легко могут уснуть.

Для других ночь – это время, когда легко убить других.

- Ивар Лодбрук, я перейду сразу к делу.

- Да, Ваше Высочество. Пожалуйста, говорите, что бы то ни было, – глава Лодбрук, сидя, склонил голову.

- Как вы посмели предать Альянс Полумесяца?

- ...

Тишина.

Воздух в палатке мгновенно парализовало, словно язык огромная змея только что показала свой. Тень, озаряемая свечой, была похожа на змею, я затаила дыхание. Что Его Высочество Данталион только что сказал?

- Ваше Высочество, о чём вы говорите?..

Скорее всего, не только мне показалось, что я неправильно расслышала. Глава Лодбрук смотрел на Лорда Данталиона с мертвецки бледным лицом. На лице Лорда Данталиона всё ещё красовалась ровная ухмылка.

- Что такое, глава? Цвет лица у вас какой-то нездоровый. Пусть я и сказал это, чтобы испортить ваше лицо, досадно, что оно изменилось так быстро. На вашем и без того старом

лице останется ещё больше морщин.

Эти глаза.

Вялые и слабо открытые глаза, которыми он всегда смотрит на жертву, которую собирается разорвать.

Такой же взгляд, который Леди Фарнезе, девочка, что удочерил Его Высочество, переняла в совершенстве.

В таких случаях Его Высочество мурлыкает, словно находится в невероятно хорошем расположении духа.

– Сказать по-честному, вы мне нравитесь. Вы открыт и в хорошем, и в плохом смысле. Вы можете прекрасно скрываться под маской в других местах, но не можете утаить от меня ничего, когда мы лицом к лицу. О-хо-хо, как всё запутанно. В каком-то смысле мы с вами в отношениях, отдалённо напоминающих любовь, не находите?

Его Высочество хихикнул.

– Я в определённом смысле дорожу вами, Ивар Лодбрук.

– ...

Удлинённая светом тень Его Высочества продолжала глумиться.

<http://tl.rulate.ru/book/378/209161>